

ВИКТОР БЕЗМАТЕРНИЙ

ГЛОТКА

18+

Виктор Безматерный
Глотка

«Автор»

2026

Безматерний В.

Глотка / В. Безматерний — «Автор», 2026

Четыре молодых ученых — одержимый палеонтолог, скептик-генетик, циничный геолог и антрополог с тайной целью — отправляются в сердце неизведанных болот. Их миссия: найти доказательства выживания реликтовой мегафауны. Но то, что они найдут в зоне Б-12, не имеет ничего общего с наукой. Легенды гласят, что в этих топях утонула девушка, ставшая якорем для древнего, ненасытного зла. Местные жители шепчутся о «Глотке» — бездонной воронке, где граница между мирами истончается. Экспедиция сталкивается с аномалиями, которые невозможно объяснить: ледящим холодом, сводящим с ума шёпотом и призраком, который знает их самые сокровенные страхи. По мере того как болото затягивает их в свои объятия, грань между реальностью и безумием стирается. Чтобы выжить, им придется столкнуться не только с первобытным ужасом топей, но и с тьмой внутри себя. Ведь болото не просто убивает — оно требует плату за проход. И цена будет непомерно высока.

© Безматерний В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
(От лица Элиас)	14
Глава 3	21
(от лица София)	21
Глава 4	28
Глава 5	35
(от лица Аня)	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глотка

Глава 1

Тишина. Это первое, что ударило по ним, когда старый, чихающий дизелем грузовик, нанятый в райцентре, остановился на краю деревни. Это была не та тишина, к которой привык современный человек — не уютное отсутствие городского шума, не покой спящего пригорода. Это была первобытная, плотная тишина, которая, казалось, имела вес и запах. Она пахла мокрой землей, прелой листвой вековых деревьев и чем-то еще — сладковатым, тухлым душком стоячей воды. Она давила на барабанные перепонки, заставляя вслушиваться в собственное дыхание и гул крови в висках. В этой тишине не было места для птиц. Небо над головой было низким, свинцовым, и казалось, что оно опустилось так низко лишь для того, чтобы задушить этот клочок суши, затерянный в бескрайних лесах.

Грузовик дернулся в последний раз и заглох. Водитель — угрюмый мужик в промасленной телогрейке — молча сплюнул в окно и заглушил мотор. Звук затихающего двигателя был похож на предсмертный хрип, и когда он окончательно смолк, мир вокруг погрузился в абсолютный акустический вакуум. Четыре фигуры в ярких городских куртках неловко выбрались из кузова на раскисшую колею.

* **Элиас Ван Кройц** выбрался первым. Он двигался с той механической точностью, которая выдавала в нем человека, привыкшего контролировать каждый свой шаг. Немец по происхождению, он был воплощением европейского рационализма посреди дикой славянской глуши. Он поправил очки в тонкой оправе и окинул окрестности взглядом ученого: оценивающим, холодным и лишенным всякой сентиментальности. Для него это была не глухая деревня, а точка с координатами на карте. Не враждебная природа, а биом с определенным уровнем влажности и фауной. Он вдохнул полной грудью влажный воздух и едва заметно поморщился от запаха гнили. Это был просто еще один набор данных.

* **София Марлоу** последовала за ним. В отличие от своего коллеги-палеонтолога, она замерла на месте, впитывая атмосферу. Британка до мозга костей, она была биологом-генетиком, и её инстинкты кричали об опасности. Она смотрела не на карту местности в голове Элиаса, а на реальность. На черные стволы елей, которые стояли здесь столетиями и будут стоять еще столько же после того, как от их экспедиции не останется и следа. На туман, который выползал из-под корней деревьев и стелился по земле живым существом. Её кожа покрылась мурашками не от холода, а от инстинктивного страха перед чем-то древним и чуждым.

* **Матео Росси** , итальянец с вечной ухмылкой на лице и цинизмом в глазах, прыгнул с подножки последним. Он был геологом и картографом — человеком камня и бумаги. Он пнул носком тяжелого ботинка ком грязи и тихо выругался по-итальянски.

* **«Merda»** , — пробормотал он себе под нос. — *«Надеюсь, тут хотя бы есть приличный эспрессо»*.

Его бравада была защитной реакцией. Матео чувствовал себя неуютно. Здесь не было асфальта под ногами, не было привычного шума моторов и запаха выхлопных газов. Здесь была только эта удушающая тишина.

* **Аня Ковальски** стояла чуть поодаль от группы. Полячка с внимательным, цепким взглядом антрополога. В то время как остальные были заняты инвентаризацией своих чувств или оборудования, она уже изучала деревню. Её взгляд скользил по покосившимся заборам, по темным окнам изб с резными наличниками, которые казались не украшением, а злобными

ухмылками деревянных идолов. Она знала больше остальных. Она читала отчеты этнографов полувековой давности, она слышала шепотки о том месте, куда они направлялись. Но она молчала. Её задача была наблюдать.

Деревня называлась Камыши. Название было издевательски точным. Она представляла собой два десятка ветхих домов, разбросанных без всякой логики вдоль единственной улицы-дороги, которая уходила прямо в стену леса. Дома были старыми, почерневшими от времени и сырости. Крыши поросли мхом так густо, что казалось, будто дома обросли зеленым мехом. Окна большинства изб были либо заколочены досками крест-накрест, либо зияли черными пустыми глазницами выбитых стекол.

В этой деревне не было жизни в привычном понимании этого слова. Не было лая собак — звук, который всегда служит маркером человеческого жилья. Не было мычания коров или блеяния коз. Не было детского смеха или радио, орущего из открытого окна. Только ветер иногда шелестел в верхушках сосен да скрипел ржавым флюгером на крыше одного из домов.

Из-за угла крайней избы медленно вышла фигура. Это была старуха — настолько древняя, что казалось невозможным отличить её лицо от коры старого дерева. Она была одета во множество слоев темной одежды неопределенного цвета. На голове её был повязан черный платок. Она опиралась на кривую палку и смотрела прямо на прибывших без всякого выражения.

Элиас сделал шаг вперед. Он был лидером экспедиции по умолчанию — его уверенность и авторитет были непререкаемы.

— Добрый день! — крикнул он громким голосом человека из мегаполиса, привыкшего перекрикивать шум улиц.

Старуха не ответила. Она даже не моргнула. Она просто стояла и смотрела на них своими водянистыми, выцветшими глазами.

— Нам нужен проводник до болот! — продолжил Элиас уже тише, но все так же требовательно. — Мы ученые! Палеонтологи! Мы хорошо заплатим!

Слово «палеонтологи» повисло в воздухе мертвым грузом. Оно было здесь чужеродным элементом, как золотой слиток на дне выгребной ямы.

Старуха медленно перевела взгляд с Элиаса на Софию, затем на Матео и Аню. Её глаза задержались на Ане чуть дольше обычного.

— Уезжайте, — наконец произнесла она хриплым голосом, похожим на скрип несмазанной двери.

Это было первое слово за все время их пребывания здесь.

— Что? — Элиас непонимающе нахмурился.

— Уезжайте отсюда подобру-поздорову, — повторила старуха громче.

Матео фыркнул:

— Старая карга просто хочет больше денег за свои услуги.

Старуха проигнорировала его реплику так же легко, как игнорировала их самих минуту назад.

— Там нет ничего для вас, — сказала она ровным тоном, глядя прямо в глаза Элиасу. — Ни костей ваших зверей... ни покоя для ваших душ.

Элиас снял очки и начал методично протирать их краем своей дорогой ветровки.

— Послушайте... э-э... уважаемая... Мы проделали долгий путь из Европы специально для этого исследования. Мы ищем следы мегафауны плейстоцена...

Старуха прервала его коротким сухим смешком.

— Плей... сто... чего? Ты языком своим пыльным чешешь о том, чего не разумеешь! Там нет зверей! Там есть только топь да трясина зыбкая. И память там есть... черная память воды.

Она сделала несколько шаркающих шагов вперед по грязи.

— Вы люди ученые? Книги читаете? Так вот вам книга: лес наш старый помнит всё. И он вас не звал.

София почувствовала холодок между лопаток. Это был не страх перед сумасшедшей старухой. Это был иррациональный ужас перед правдой её слов. Биолог внутри неё кричал о миллионах лет эволюции этих лесов, о том, как они пережили ледниковый период и выстояли против человека дольше любой империи. Этот лес действительно помнил всё.

— Мы остаемся! — твердо сказал Элиас, водружая очки обратно на переносицу.

Старуха посмотрела на него долгим взглядом, в котором читалась бесконечная усталость тысячелетий.

— Как знаете... — прошептала она едва слышно и отвернулась к лесу за спиной деревни.

Она подняла свою палку костлявой рукой и ткнула ею куда-то в густую чащу за крайними домами.

— Туда идите... к болоту... Там ваш проводник ждет у старой часовни на холме... Михалыч его кличут... если доживет до вашего прихода...

С этими словами она развернулась и так же медленно скрылась за углом избы, из которой вышла. Тишина вернулась мгновенно, словно заполнив вакуум звуком своего отсутствия.

Водитель грузовика завел двигатель с третьей попытки. Мотор взревел так оглушительно громко после слов старухи, что все вздрогнули.

— Ну всё! — крикнул он из кабины через открытое окно с сильным местным акцентом. — Я дальше не поеду! Дороги нет! Дальше сами!

Он вдавил педаль газа так резко, что из-под колес полетели комья грязи вперемешку с прошлогодней листвой. Грузовик развернулся практически на месте и покатил обратно по единственной дороге к цивилизации, оставляя четверых ученых одних посреди безмолвия Камышей.

Они остались стоять посреди улицы-дороги со своими рюкзаками и ящиками с оборудованием: спутниковый телефон (который здесь работать отказывался), портативные анализа-

торы ДНК (беспольные без связи), георадар (тяжелый ящик с антенной) и контейнеры для образцов с жидким азотом (которые нужно было беречь как зеницу ока).

Матео пнул еще один ком грязи.

— Ну что ж... Добро пожаловать в отель «Калифорния», — мрачно пошутил он цитатой из песни своей юности. — «You can check out any time you like... but you can never leave».

Никто не улыбнулся его шутке.

Аня первой нарушила молчание:

— Нам нужно идти к часовне на холме за деревней... к болоту...

Она говорила тихо, словно боясь потревожить эту тишину громким голосом.

Они переглянулись. Никто из них толком не знал друг друга до этой поездки — их объединил грант Европейского научного фонда и одержимость Элиаса идеей найти доказательства того, что мегафауна плейстоцена могла выжить в изолированных экосистемах дольше официальной даты вымирания десять тысяч лет назад. Они были коллегами по переписке из разных стран мира: немец-рационалист Ван Кройц со своей теорией «изолированных рефугиумов», британка-скептик Марлоу со своими генетическими тестами для проверки подлинности находок (или их отсутствия), итальянец-прагматик Росси с его картами геологических разломов... И Аня Ковальски со своим тайным интересом к местным легендам об «утопленнице» и «черной воде».

Теперь они были просто четверьмя фигурами в ярких куртках посреди серого мира старой деревни Камыши.

Они двинулись вперед по единственной улице-дороге мимо мертвых окон домов. София шла рядом с Аней чуть позади мужчин.

— Ты что-нибудь знаешь об этом Михалыче? — тихо спросила она у полячки по-английски.

Аня пожала плечами под тяжелым рюкзаком:

— В отчетах он значится как единственный человек в радиусе пятидесяти километров от болотной зоны Б-12 (условное название их цели). Местный охотник-отшельник или браконьер... Говорят, он знает эти топи лучше любого GPS-навигатора... если он еще жив.

София посмотрела на окна ближайшей избы. Ей показалось или там дрогнула занавеска? Внутри было темно так же непроглядно, как в лесной чаще вокруг них.

— А эта старуха? Она выглядела так... словно знала что-то о нас еще до нашего приезда.

Аня бросила быстрый взгляд через плечо Софии на пустые дома деревни Камыши.

— Они все знают больше нас о том месте, куда мы идем... И это знание им радости не приносит...

Улица закончилась внезапно упираясь в глухую стену леса — ели стояли так плотно друг к другу, что казалось невозможным пройти между ними без бензопилы или топора. Но справа от дороги земля начинала подниматься пологим холмом, поросшим редкими соснами с искривленными стволами от постоянных ветров с болотных низин.

На вершине этого холма стояла часовня.

Это было странное строение: маленькая деревянная церквушка без креста на куполе-луковице купол был просто покрыт осиновой дранкой (гонтом), которая от времени стала почти черной от плесени и лишайника). Дверь была приоткрыта ровно настолько, чтобы можно было разглядеть кромешную тьму внутри.

У подножия холма сидел человек.

Он сидел на перевернутом ведре у небольшого костерка из сырых веток (отчего дым был белым-белым и стелился по земле), над которым висел закопченный котелок с каким-то варевом бурого цвета. Он был одет в нечто бесформенное: старая армейская плащ-палатка поверх ватника неопределенного цвета (когда-то бывшего зеленым). На голове у него была потертая ушанка с опущенными ушами даже несмотря на относительно теплую погоду начала осени (или то была уже поздняя осень?). Лицо его было скрыто густой седой бородой почти до самых глаз.

Он курил самокрутку-самокрутку (козью ножку), выпуская дым через ноздри двумя равными струйками белого пара (как дракон), и смотрел прямо перед собой невидящим взглядом человека, который давно живет один в глуши и научился видеть то, что недоступно другим: движение воздуха над трясинной или след зверя во мху за километр отсюда).

Это был Михалыч?

Элиас решительно направился к нему вверх по склону холма хрустя ветками под ногами (этот звук казался оглушительным нарушением священного покоя этого места). Остальные последовали за ним более осторожно).

Когда они подошли ближе (метров на пять), человек у костра даже не повернул головы в их сторону) Он продолжал смотреть сквозь них куда-то вдаль) Его самокрутка догорела почти до самых пальцев) но он этого словно не замечал).

Элиас остановился перед ним) нависая над сидящим человеком своей высокой фигурой).
— Здравствуйте! Вы Михалыч?

Человек медленно перевел взгляд своих выцветших глаз снизу вверх) останавливаясь где-то на уровне груди Элиаса) Он молчал) Он просто смотрел) В его глазах не было ни удивления) ни страха) ни любопытства) Только бесконечная усталость)

Матео подошел сбоку)

— Эй! Дед! Ты оглох? Нам сказали ты проводник!

Человек медленно моргнул) Его взгляд скользнул по Матео) затем по Софии) которая инстинктивно сделала шаг назад) Затем он посмотрел на Аню) И тут что-то изменилось) В его глазах промелькнула искра узнавания или страха)

Он медленно поднял руку (в которой все еще тлела самокрутка) дрожащим пальцем указал прямо на Аню)

— Ты... — прохрипел он голосом человека который годами молчал). — Ты та самая? Из города?

Аня сделала шаг вперед)

— Я Аня Ковальски Я антрополог Мы здесь чтобы...

Михалыч оборвал её резким взмахом руки)

— Замолчи! — прошипел он неожиданно зло). Дым от самокрутки попал ему в глаз но он даже не моргнул). — Не произноси здесь своих ученых слов!

Он тяжело поднялся со своего ведра) Его плащ-палатка распахнулась) открывая под собой множество слоев грязной одежды)

— Я вас туда не поведу!

Элиас скрестил руки на груди)

— Послушайте У нас есть разрешение грант Все официально Мы заплатим вам столько сколько скажете...

Михалыч сделал шаг вперед оказавшись вплотную к немцу Несмотря на свой небольшой рост он излучал такую ауру угрозы которая заставила Элиаса невольно отступить назад)

— Деньги? — прошипел старик Его дыхание пахло табаком гнилыми зубами и болотной тиной). — Что мне ваши бумажки? Там где вы хотите идти... там деньги ничего не стоят Там только мох да грязь да черная вода!

Он ткнул грязным пальцем в сторону леса за холмом откуда тянуло сыростью)

— Вы думаете вы первые такие умные? Ученые? Искатели? За последние двадцать лет я похоронил троих таких как вы! Одного нашли через месяц плавающим лицом вниз в «окне»! Второго засосало так что даже пузырей не было видно! А третий...

Он осекся Его взгляд снова метнулся к Ане)

— Третий сошел с ума Он вернулся в деревню через неделю Он сидел вон там где сейчас ты стоишь немец Он сидел тут день напролет Он бормотал одно и то же Он говорил что она его зовет...

Михалыч снова указал дрожащим пальцем теперь уже прямо в лицо Элиасу)

— Она ждет там Она всегда ждет Она просит о помощи Но это обман! Стоит вам подойти поближе как она утянет вас за собой!

София почувствовала как тошнота подкатывает к горлу Это был какой-то первобытный иррациональный ужас перед суевериями дикого человека Но почему тогда её колени дрожат?

Матео закатил глаза:

— Отлично Просто отлично Дед Ты нас запугиваешь сказками про русалок чтобы поднять цену?

Михалыч медленно повернул голову к итальянцу Его глаза были абсолютно пустыми как два осколка мутного льда)

— Русалки? — переспросил он тихо-тихо почти шепотом). — Нет парень Русалки это сказки для детишек Это хуже Это смерть которая ходит как живая...

Внезапно порыв ветра налетел со стороны болот Он был ледяным Он пронесся над холмом заставив затрещать ветки сосен над головой Этот звук был похож на сухой костяной стук Старый охотник вздрогнул словно ветер принес ему какое-то известие

Он резко запахнул полы плащ-палатки поплотнее запахиваясь от холода которого остальные еще не чувствовали)

— Уходите! — сказал он уже спокойнее но с той же непреклонной твердостью). — Я вас туда не поведу И никто другой тоже Я последний кто знает туда дорогу И я скорее сгнию здесь чем сделаю хоть шаг в ту сторону!

Он отвернулся от них снова сел на свое ведро взял палку и начал бесцельно ворошить угли в костре давая понять что разговор окончен

Элиас стоял красный от злости Его план рушился Ему нужны были эти образцы чтобы доказать свою теорию получить профессорскую кафедру войти в историю науки А теперь какой-то полоумный старик перечеркивал все его амбиции

Он открыл рот чтобы сказать что-то резкое но Аня положила руку ему на плечо Её ладонь была холодной как лед)

* *Не надо* прошептала она одними губами *Посмотри вокруг*

Элиас посмотрел Сначала он видел только лес Потом он заметил детали Тишина стала еще плотнее Ветви сосен над головой перестали качаться хотя ветер все еще чувствовался кожей И самое главное Он вдруг понял что они стоят здесь уже десять минут а из деревни Камыши до сих пор не раздалось ни единого звука Ни скрипа двери Ни лая собаки Ни человеческого голоса Как будто деревня вымерла Или затаилась наблюдая за ними

Элиас медленно выдохнул Облачко пара вырвалось изо рта Хотя солнце еще стояло довольно высоко воздух стал ощутимо холоднее

Он молча развернулся И пошел вниз с холма обратно к дороге Остальные потянулись следом Никто не сказал ни слова Михалыч даже не поднял головы продолжая смотреть в свой костер

Они спустились к подножию холма Остановились у края леса который преграждал путь дальше Трое мужчин смотрели на сплошную стену деревьев Аня смотрела назад вверх на часовню

Она видела как Михалыч медленно поднялся со своего ведра Он подошел к краю холма Он смотрел им вслед Но смотрел он не на них Он смотрел вверх их голов куда-то далеко вперед туда где начинались непроходимые топи

Внезапно старик поднял руку И осенил их широким размашистым крестным знамением

Это был жест не благословения Это был жест защиты От чего-то чего они пока не видели Чего они пока не понимали

Аня вздрогнула Она знала местные легенды Она знала историю Лилиан Харт девушки которая утонула здесь пятьдесят лет назад во время какого-то темного ритуала Но легенды говорили что её дух остался там Привязанный к месту своей гибели Привязанный к черной воде

Неужели это правда?

Она повернулась к группе Элиас уже достал планшет сверяясь с топографической картой которую они скачали со спутника еще месяц назад Карта показывала сплошное зеленое пятно леса Но где-то там внутри этого пятна должна была быть их цель Зона Б-12 Место где видели странные следы Место которое местные обходят стороной

Элиас ткнул пальцем в экран планшета затем перевел взгляд на компас Затем посмотрел прямо перед собой в сплошную стену леса

* *Мы пойдем сами* сказал он твердо Его голос прозвучал глухо *Мы ученые Мы вооружены знаниями У нас есть оборудование У нас есть план*

Но уверенности в его голосе уже не было Была только отчаянная решимость доказать самому себе что мир рационален Что нет никаких духов болот Что нет никакой девушки-призрака Что есть только наука

София посмотрела на свои руки Они дрожали Она попыталась списать это на холод но понимала что дело не в нем Дело было в словах старика Дело было в этой абсолютной тишине Дело было во взгляде Михалыча который смотрел сквозь них

Матео проверил крепления своего огромного рюкзака Он пытался выглядеть невозмутимым но его обычная ухмылка сползла с лица оставив лишь бледную маску тревоги

Аня ничего не сказала Она просто поправила лямки своего рюкзака Она знала что пути назад уже нет Они пересекли какую-то невидимую черту когда решили остаться после слов старухи Теперь они были частью этой истории Хотели они того или нет

Элиас сделал первый шаг Подошва его дорогого трекингового ботинка наступила на мягкий мох у корней первой ели Веточка хрустнула под ногой Этот звук прозвучал как выстрел в абсолютной тишине

Один за другим они вошли под своды леса Деревья сомкнулись за их спинами отрезая их от последних остатков цивилизации От дороги От деревни Камыши От здравого смысла

Свет сразу померк Стало сыро Запахло прелью грибами влажной землей Лес принял их в свои объятия Лес начал наблюдать Лес начал ждать

Тишина последовала за ними под кроны деревьев Она стала другой Теперь она была живой Теперь она дышала вместе с лесом Теперь она слушала их шаги

И где-то там далеко впереди за много километров пути сквозь чащу начинались болота Настоящие древние топи Где вода была черной как смоль Где мох был мягким как пуховая перина Где ждала та самая утопленница Которая звала их Которая просила о помощи Которая

хотела лишь одного Чтобы они разделили её вечный холод Её вечное одиночество Её вечную
смерть

Глава 2

(От лица Элиас)

Запах. Это первое, что я должен каталогизировать. Дизельное топливо, на котором работал этот драндулет, — едкая, химическая вонь, которая, кажется, пропитала не только мою одежду, но и поры кожи. Я чувствую её даже сейчас, когда мы стоим в этой... первобытной тишине. Тишина — это не отсутствие звука. Это отсутствие *шума*. Шума цивилизации, который является таким же постоянным фоном для современного человека, как сердцебиение. Здесь же фон исчез. Это дезориентирует. Мозг пытается заполнить пустоту фантомными звуками, но не находит их. Это вызывает легкий дискомфорт, почти клаустрофобию наоборот.

Я поправляю очки. Стекла запотели от перепада температур и влажности. Протираю их полой своей ветровки. Мир снова обретает резкость. Четкие линии. Объекты. Вот София. Она стоит, обхватив себя руками. Её поза говорит о неуверенности, о попытке создать барьер между собой и средой. Типичная реакция эмпата на неконтролируемую, хаотичную систему. Она ищет в этом лесу «что-то живое», как она сказала вчера за ужином. Глупость. Здесь всё живое. Каждая бактерия в этой грязи, каждый гриб-паразит на гниющем пне. Но это не та жизнь, которую она ищет. Она ищет антропоморфизм.

Матео... Он пинает ком грязи. Механическое действие. Попытка сбросить нервное напряжение через мышечную активность. Его цинизм — такая же защитная реакция, как и страх Софии. Он пытается низвести величие и угрозу этого места до своего уровня — до уровня простой, понятной проблемы. «Надеюсь, тут есть эспрессо». Ха. Типичный итальянец. Он думает, что если он сможет сварить здесь кофе, то он контролирует ситуацию. Иллюзия контроля.

Аня... Она молчит и наблюдает. Это меня беспокоит больше всего. В её молчании есть вес. Она что-то знает или подозревает. Я видел, как она изучала старые карты и этнографические отчеты перед отъездом из Берлина. У неё есть какая-то личная цель в этой экспедиции, помимо научной. Я должен за ней присматривать.

Но всё это не имеет значения. Абсолютно никакого.

Мы стоим на пороге величайшего открытия в палеонтологии со времен находки *Тикталалика*. Официальная наука утверждает, что мегафауна плейстоцена вымерла десять тысяч лет назад из-за изменения климата и деятельности человека-охотника. Это удобная догма. Но я всегда знал, что это упрощение. Существуют рефугиумы — изолированные экосистемы, где условия остались прежними. Где эволюция могла пойти по другому пути или просто застыть во времени.

Те следы, которые мы зафиксировали со спутника в зоне Б-12... Они не могут принадлежать ни одному известному современному виду. Глубина вдавливания, длина шага, распределение веса... Это математика, а не мистика. Это существо весит около двух тонн и передвигается на двух конечностях с опорой на пятку. Ни один медведь или лось не оставляет такой метрики.

И эти idiotские суеверия... «Уезжайте». «Она вас ждет». Какая примитивная чушь. Я презираю иррациональность. Суеверие — это вирус разума, болезнь, которая заставляет людей верить в невидимых духов вместо того, чтобы изучать реальные физические законы вселенной. Этот старик у костра... Михалыч? Он просто боится того, чего не понимает. Его разум атрофировался от жизни в изоляции и постоянного страха перед силами природы, которые он не может контролировать.

Он говорил о смерти? О том, что кто-то сошел с ума? Естественный отбор в действии. Слабый разум не выдерживает столкновения с реальностью и создает себе буфер из сказок про утопленниц и «черную воду». Вода не бывает черной от магии. Она черная от гуминовых кислот и отсутствия света из-за метрового слоя гниющей органики на дне. Химия и физика.

Я смотрю на сплошную стену леса перед нами. На карте это просто зеленое пятно с редкими топографическими метками высот. В реальности это стена из елей и сосен, переплетенных колючим кустарником и заваленная буреломом. Препятствие.

«Мы пойдем сами», — сказал я им.

Я сказал это с уверенностью, которой на самом деле не чувствовал? Нет. Я сказал это с холодной убежденностью ученого. У нас есть оборудование: георадар Тео покажет нам структуру грунта под слоем мха и поможет найти твердые участки для прохода; анализатор ДНК Софии позволит нам идентифицировать любые биологические следы; мои собственные знания геологии и палеонтологии укажут нам наиболее вероятные места залегания костных останков.

Мы не нуждаемся в проводнике-человеке.

Нам нужен проводник-радар.
Нам нужен проводник-логика.

Я достаю планшет из водонепроницаемого чехла на бедре. Экран оживает, показывая нашу текущую точку и пульсирующую метку цели — зону Б-12, находящуюся примерно в семнадцати километрах по прямой на северо-северо-восток. Семнадцать километров по болоту — это не то же самое, что семнадцать километров по автобану в Дюссельдорфе.

Я сверяюсь с компасом. Стрелка дрожит? Нет, это дрожит моя рука? Неважно. Я подавляю этот незначительный физиологический тремор усилием воли.

«Мы вооружены знаниями».

Знания — единственное оружие против тьмы невежества и страха.

Я смотрю на своих спутников.

— Мы выдвигаемся через пять минут, — говорю я ровным голосом, возвращая планшет в чехол.

Матео кивает и начинает методично проверять крепления на своем гигантском рюкзаке с оборудованием для георадара. София вздрагивает от звука моего голоса и начинает копаться в своем подсумке в поисках пробирок для первичных образцов почвы и мха.

Аня просто смотрит на меня своими темными глазами. В её взгляде нет ни страха Матео, ни трепета Софии. В нем есть что-то другое... Оценка? Предупреждение? Мне плевать.

Я делаю шаг к лесу.

Первый шаг всегда самый трудный не физически, а психологически. Это шаг через границу известного мира в неизвестность. Для обывателя это шаг в кошмар из сказок братьев Гримм. Для меня это шаг к подтверждению моей гипотезы.

Ветви елей низко свисают под тяжестью лишайника, похожего на седые бороды древних старцев из фольклора этих мест. Я отодвигаю одну из них рукой в перчатке. Хвоя влажная, пахнет смолой и чем-то кислым.

Я надеваю на голову налобный фонарь, хотя сейчас только середина дня. В этом лесу вечные сумерки. Свет никогда не проникает сквозь плотный полог крон до земли.

«Там нет ничего для вас», — сказала старуха.

Она ошибается фундаментально.

Там есть всё для меня.

Там есть доказательство того, что я был прав все эти годы борьбы с косностью академической науки. Там есть мой билет в бессмертие — не метафорический, а вполне реальный: вид или род животных, который будет назван моим именем: *Ursus van Kreuzii* или что-то подобное.

Я слышу хруст веток за спиной — это остальные следуют за мной в чащу.

Тишина леса обволакивает нас мгновенно. Она плотная, почти осязаемая. Она давит на уши сильнее, чем тишина деревни Камыши. Там была тишина пустоты, заброшенности. Здесь же тишина *присутствия*. Лес наблюдает за нами миллионами глаз-щелок между иголками елей.

Я останавливаюсь через десять метров от опушки и достаю планшет снова.

— Тео! Координаты! Нам нужно взять азимут на ту скалу впереди! — я указываю рукой на едва заметный гранитный выступ метрах в двухстах к востоку.

Матео подходит ко мне, гремя своим снаряжением.

— Ты же понимаешь, что GPS здесь работает через раз? Спутники над головой ходят редко из-за крон...

— Я понимаю физику процесса лучше тебя! — обрываю я его раздраженно.- Но нам нужна точка привязки! Мы должны идти по азимуту! Если мы начнем петлять по этому бурелому, мы потратим вдвое больше времени!

Матео пожимает плечами и начинает возиться с собственным планшетом и теодолитом.

— Как скажешь, босс.

Его покорность — лишь маска безразличия. Ему всё равно куда идти, лишь бы быстрее дойти до места стоянки и поставить лагерь.

София подходит к ближайшей ели и срезает ножом кусок коры вместе с мхом со ствола дерева.

— Базовый образец эпифитной флоры зоны бореального леса... — бормочет она себе под нос.- ...для сравнения с образцами из целевой зоны Б-12...

Её научный педантизм сейчас неуместен и смешон, но я молчу. Пусть делает что хочет, лишь бы это не замедляло нас.

Аня стоит чуть поодаль от нас троих. Она смотрит не на приборы и не на лес перед нами. Она смотрит вверх, на кроны деревьев.

— Вы слышите? — вдруг спрашивает она тихо.- Полная тишина...

— Да! — с жаром подхватывает София.- Ни одной птицы! Это ненормально для такого биома!

— Птицы умнее людей, — говорит Аня всё так же тихо.- Они знают то место... они его облетают стороной...

Я чувствую прилив холодной ярости.

— Достаточно! — мой голос звучит резче, чем я планировал.- Мы здесь не для того чтобы слушать народные сказки! Мы здесь чтобы собирать данные! Факты! Эмпирические доказательства!

Я делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. Запах сырой земли и прелой листвы заполняет легкие.

Рационализм — это дисциплина ума. Эмоции — это шум, который нужно отсечь как радиопомеху при настройке точного прибора.

Я смотрю на экран планшета еще раз. Семнадцать километров по прямой превратятся в тридцать по земле через этот бурелом и болота.

«Стоит вам подойти поближе как она утянет вас за собой!»

Какая чудовищная глупость! Утянуть может только трясина — вязкая смесь воды и ила с низкой плотностью тела человека или животного из-за закона Архимеда (точнее, его нарушения). Физика процесса проста: объект с плотностью выше плотности жидкости тонет; объект с плотностью ниже — всплывает; но если плотность объекта близка к плотности жидкости... он застревает в ней как муха в янтаре или смоле.

Это всё физика!

Нет никаких «утопленниц», которые кого-то куда-то тянут!

Я делаю еще один шаг вперед.

Ветка царапает мне щеку под очками.

Я даже не морщусь.

Мы идем уже полчаса? Или час? Время здесь течет иначе без смены освещения и ориентиров. Мой внутренний хронометр сбоит из-за монотонности пейзажа: ель, ель, поваленная сосна покрытая ярко-зеленым ковром мха-хортины (сфагнума), снова ель...

Мои ботинки промокли почти сразу после того, как мы сошли с твердой почвы у часовни хлюпающая вода просачивается сквозь швы но я игнорирую физический дискомфорт так же как игнорирую суеверный бред Михалыча дискомфорт это просто сигнал нервной системы который можно отключить усилием воли

София спотыкается о корень скрытый под слоем опавшей хвои она падает на одно колено но тут же поднимается сама без моей помощи ее лицо бледное но решительное хорошо она учится

Матео матерится по-итальянски когда ветка бьет его по лицу оставляя царапину на щеке он вытирает кровь рукавом но продолжает идти молча хорошо дисциплина превыше всего

Аня идет как призрак бесшумно ее движения плавные она словно скользит между деревьями не задевая их она единственная кто кажется частью этого леса а не чужеродным телом вторгшимся в него

Это иллюзия конечно она человек а значит такая же уязвимая биологическая система как и все мы ее мышцы устают ее легкие требуют кислорода ее тело теряет тепло

Мы все уязвимы здесь но наша главная уязвимость это не болото а наш собственный разум который может предать нас поддавшись панике или галлюцинациям вызванным сенсорной депривацией

Я должен быть их якорем их точкой стабильности я должен быть тем кто сохраняет ясность мысли когда они начнут терять её

«Она ждет там Она всегда ждет»

Нет там никого кто ждет там есть только геологические отложения возможно содержащие органические останки возможно содержащие то что перевернет наше представление о четвертичном периоде

Мои ноги уже промокли до колена холод пробирает до костей но я продолжаю идти потому что остановка означает смерть от переохлаждения движение это жизнь движение это тепло которое вырабатывают мышцы

Впереди я вижу просвет между деревьями возможно там поляна или болото начало нашей цели зона Б-12 начинается с переходной зоны мезотрофных болот

Я ускоряю шаг мои спутники отстают но мне все равно они должны держать темп они должны быть выносливыми если они хотят быть частью этого открытия

Тишина леса сменяется новым звуком низким протяжным гулом который заставляет вибрировать грудную клетку это звук комаров миллионы комаров поднимаются из болотной травы почуяв тепло наших тел биологическая неизбежность часть пищевой цепи этого биома

София вскрикивает когда первый комар впивается ей в шею она шлепает себя по лицу но их слишком много они лезут в глаза в рот в нос мы все начинаем размахивать руками пыта-
ясь отогнать их но это бесполезно нужно просто терпеть пока организм не адаптируется к их
токсинам

Терпеть это то чему учит наука терпеть боль ради данных терпеть дискомфорт ради
открытия терпеть глупость ради истины

Мы выходим к болоту

Оно простирается перед нами насколько хватает глаз огромное пространство покрытое
ковром изумрудно-зеленого мха испещренное окнами открытой черной воды которые блестят
как обсидиан под серым небом это не вода это жидкая грязь органический суп из гниющих
растений веками оседавших на дно

Это выглядит обманчиво красиво этот ковер мха похож на мягкий персидский ковер он
так и манит ступить на него пройтись по его упругой поверхности но я знаю что под ним скры-
вается бездна вязкая жадная бездна которая может поглотить человека за считанные минуты
без единого звука без единого всплеска просто засосать его оставив лишь круги на черной
поверхности которые тут же затянутся

Михалыч был прав насчет одного физическая опасность этого места реальна трясина
существует законы физики здесь работают против нас гравитация вязкость поверхностное
натяжение всё против человеческого тела которое тяжелее воды

Но он был неправ во всем остальном нет никакой девушки нет никакой утопленницы есть
только химия биология физика геология вот четыре всадника этой земли а не мифы крестьян

Я смотрю на своих спутников они стоят у края твердой земли их лица выражают смесь
восторга от масштабов пейзажа и первобытного ужаса перед его природой Матео достает сига-
рету но Аня качает головой указывая на сухой мох вокруг опасность пожара он со вздохом
убирает её обратно

София делает шаг вперед её научный интерес перевешивает страх она опускается на
колени у самой кромки живого мха и опускает руку в перчатке чтобы коснуться его поверхно-
сти её пальцы погружаются в упругую массу как в матрас она берет пробу пинцетом помещая
её в пробирку со спиртом для консервации образцов идеальный научный подход к изучению
смертельной ловушки

Я смотрю на свой компас затем сверяюсь с картой затем смотрю вперед туда где по
моим расчетам должна находиться наша первая точка сбора данных зона Б-12 находится прямо
посреди этого зеленого ада

Нам придется идти туда нам придется ступить на этот ковер нам придется довериться
нашим приборам нашим знаниям нашим расчетам потому что другого пути нет назад дороги
нет мы сожгли мосты когда решили остаться после слов старухи теперь есть только путь вперед
через трясину к нашей цели

«Вы думаете вы первые такие умные?»

Да мы первые потому что у нас есть то чего не было у других наука логика дисциплина мы первые кто вооружен знанием а не страхом мы первые кто идет туда не молиться а исследовать мы первые кто принесет оттуда факты а не байки о безумии

Я надеваю рюкзак плотнее поправляю лямки проверяю крепление планшета к грудному ремню чтобы он был под рукой я готов я готов как никогда раньше вся моя жизнь вела меня к этому моменту вся моя карьера борьба за гранты насмешки коллег обвинения в лженауке всё это было лишь подготовкой к этому походу через болота к этому моменту истины

— Мы идем дальше! — объявляю я твердым голосом который не допускает возражений.- Держитесь за мной след в след! Не сходите с моего пути ни на шаг!

Они смотрят на меня София с надеждой Матео с усталой покорностью Аня со своим непроницаемым взглядом но все они кивают они принимают мое лидерство они доверяют мне свою жизнь хотя возможно им следовало бы бояться меня больше чем болота потому что моя одержимость сильнее чем их инстинкт самосохранения моя воля к открытию подавляет их волю к жизни если потребуется я пожертвую ими всеми ради одного образца одной кости которая докажет мою правоту

Я делаю первый шаг на ковер мха Сфагнум пружинит под моим весом как батут поверхность прогибается но держит вода выступает вокруг подошвы ботинка но я не проваливаюсь физика работает закон распределения давления площадь моей подошвы достаточно велика чтобы удержать мой вес над удельной плотностью жижи подо мной

Это работает!
Наука работает!

Я делаю второй шаг затем третий вода хлопает при каждом движении звук громкий неестественный нарушающий тишину болота звук жизни гниения распада но мне плевать я продолжаю идти вперед я прокладываю тропу для остальных я их лидер их проводник их спаситель или их погибель время покажет но сейчас я веду их к славе к бессмертию к доказательству того что мир рационален предсказуем познаваем

И нет никаких призраков нет никаких утопленниц есть только черная вода холодная вода которая ждет чтобы забрать тепло наших тел если мы сделаем ошибку если мы нарушим законы физики если мы сойдем с тропы которую прокладывает мой разум через этот хаос природы

Вперед!
Только вперед!
К зоне Б-12!
К моему триумфу!
К истине!

Глава 3

(от лица София)

Элиас называет это «зоной Б-12». Для него это просто координата на сетке, точка в пространстве, которую нужно достичь. Он говорит о ней так, будто мы едем на конференцию в Женеву, а не собираемся продираться через самую враждебную экосистему в Европе. Я смотрю на его спину, обтянутую дорогой, но уже безнадежно испачканной ветровкой, и чувствую глухое раздражение, смешанное с чем-то похожим на жалость. Его одержимость ослепляет его. Он видит кости и окаменелости, но совершенно не видит того, что находится прямо перед носом.

Я опускаюсь на одно колено прямо на кочку, поросшую упругим, влажным сфагнумом. Мои джинсы мгновенно промокают, но я едва замечаю это. Холод — это просто еще один физический параметр, который нужно учитывать. Я отстегиваю от рюкзака свой полевой набор. Это мой мир. Не кости вымерших гигантов, а живая, дышащая, гниющая ткань настоящего. Я открываю контейнер из ударопрочного пластика и начинаю методичную инвентаризацию.

Пинцеты? На месте. Пробирки Эппендорфа с консервантом? Семь штук, все герметичны. Набор для взятия мазков? Стерильные тампоны в индивидуальной упаковке. Портативный ПЦР-анализатор... Я достаю его и включаю. Экран мигает, загружаясь. Индикатор сигнала спутника дергается от одной до трех палочек. Слабо, но работать будет. Элиас, вероятно, даже не знает, что это за устройство. Для него это просто «анализатор ДНК», черная коробка, которая должна подтвердить или опровергнуть его великую теорию.

Я смотрю на свои руки в плотных нитриловых перчатках. Они слегка дрожат. Это не от холода. Это адреналин, смешанный с первобытным ужасом. Я — биолог-генетик. Я препарировала сотни образцов, секвенировала геномы вымерших видов по фрагментам костей. Я верю в эволюцию, в естественный отбор, в мутации. Я верю в то, что можно доказать под микроскопом или прочесть в цепочке нуклеотидов.

Но здесь... Здесь логика дает сбой.

Я пытаюсь применить научный метод к тому, что мы только что пережили в деревне Камыши.

****Наблюдение:**** Местное население демонстрирует крайнюю степень ксенофобии и суеверного страха перед конкретной географической точкой — болотами.

****Гипотеза 1 (социально-антропологическая):**** В прошлом на болотах происходили трагические события (несчастные случаи, убийства), которые со временем мифологизировались и превратились в табу и легенду об «утопленнице». Это классический механизм формирования локального фольклора для объяснения высокой смертности в опасной местности.

****Гипотеза 2 (биологическая):**** В болотах обитает неизвестный науке патоген (вирус, бактерия) или нейротоксин растительного происхождения (например, споры какого-то гриба), который при вдыхании вызывает тяжелые галлюцинации и психозы. «Сошедший с ума» ученый на самом деле стал жертвой отравления.

Обе гипотезы логичны. Обе объясняют факты без привлечения мистики.

Так почему же мне так страшно?

Я беру пробирку и пинцет. Наклоняюсь к ближайшей луже с черной водой, затянутой тонкой пленкой ряски. Осторожно опускаю пинцет в воду и подцепляю небольшой образец ила вместе с гниющим листом кувшинки. Помещаю образец в пробирку и тут же заливаю консервантом. *Образец №1: Вода поверхностная, зона перехода.* Я делаю пометку в планшете стилусом.

Вода ледяная. Даже через перчатку я чувствую этот могильный холод. Черная вода... Михалыч сказал: «черная память воды». Какая поэтическая чушь. Вода не имеет памяти в том смысле, который вкладывают в это слово эзотерики. Вода — это просто H₂O с растворенными в ней минеральными и органическими веществами. Цвет этой воды обусловлен высоким содержанием танинов и гуминовых кислот — продуктов разложения органики под воздействием анаэробных бактерий в условиях отсутствия кислорода.

Это химия.

Это биология.

Это не «память».

Я поднимаю голову и смотрю на лес вокруг нас. Элиас ушел вперед метров на двадцать, прокладывая путь с мачете (которое он называет «инструментом для расчистки маршрута»). Матео плетется следом, что-то бормоча себе под нос по-итальянски — вероятно, проклиная свою судьбу и этот чертов грант. Аня... Аня просто идет. Она движется с какой-то пугающей грацией, словно тень среди деревьев.

И эта тишина...

Научный факт: здоровый лес полон звуков. Пение птиц, стрекот насекомых, шорох мелких грызунов в подлеске. Это акустический фон, создаваемый тысячами живых существ. Здесь же абсолютная тишина. Полное отсутствие биотического шума.

****Наблюдение:**** Полное отсутствие фаунистической активности (птицы, млекопитающие) в радиусе нашей экспедиции.

****Гипотеза 3 (экологическая):**** Данная экосистема находится в состоянии крайнего стресса или является «экологической ловушкой». Болотные газы (метан, сероводород), выделяемые при гниении, а также возможная высокая концентрация тяжелых металлов или других токсинов делают эту среду непригодной для жизни высших организмов.

Эта гипотеза нравится мне больше всего. Она объясняет всё: и тишину, и страх местных жителей (они видели гибель домашнего скота или диких животных), и даже возможное безумие того ученого (хроническое отравление низкими дозами нейротоксина).

Я должна найти этому доказательство.

Я достаю из набора небольшой цифровой дозиметр радиации и счетчик Гейгера-мюллера для замера альфа-, бета- и гамма-фона. Включаю их. Стрелки приборов лениво дергаются и замирают в пределах нормы. Радиационный фон здесь не выше, чем в пригороде Лондона.

Хорошо. Вычеркиваем радиацию.

Я встаю на ноги, убирая приборы обратно в контейнер. Мои колени хрустят от долгого сидения на корточках. Я делаю глубокий вдох через нос.

Ошибка.

Воздух здесь плотный, тяжелый. Он пахнет тухлыми яйцами (сероводород!), сладковатым запахом разложения (метан!) и приторной, удушливой сладостью гниющих фруктов или цветов (какие-то сложные эфиры). Это запах смерти и созидания одновременно — запах огромной фабрики по переработке органики.

Элиас остановился впереди и нетерпеливо оглядывается на нас.

— София! Мы теряем световой день! Ты закончила свои... манипуляции?

— Я калибрую оборудование! — кричу я в ответ гораздо резче, чем хотела бы.- Если мы найдем то, что ты ищешь, нам понадобится стерильность!

Он фыркает — я представляю это так же ясно, как если бы видела его лицо — и снова начинает рубить ветки своим мачете.

Вжуххх... Вжуххх...

Звук металла, рассекающего живую плоть дерева, кажется здесь святотатством. Он нарушает какой-то древний покой этого места.

Я смотрю на Аню Ковальски. Она стоит неподвижно в нескольких шагах от меня и смотрит не на Элиаса и не на меня. Она смотрит вверх, в густую крону елей.

— Ты слышишь? — шепчет она так тихо, что я едва разбираю слова за звуками мачете.- Полная тишина...

— Да! — я подхожу к ней ближе.- Ни одной птицы! Это ненормально для такого биома!

— Птицы умнее людей, — говорит Аня всё так же тихо.- Они знают то место... они его облетают стороной...

В её голосе нет страха. В нем есть убежденность. И это пугает меня больше всего остального. Потому что я ученый, а она говорит как человек из Средневековья.

Внезапно Элиас взрывается:

— Достаточно! — его крик разносится по болоту.- Мы здесь не для того чтобы слушать народные сказки! Мы здесь чтобы собирать данные! Факты! Эмпирические доказательства!

Он прав. Он абсолютно прав с точки зрения формальной логики. Но почему тогда его крик звучит так... жалко? Так отчаянно? Словно он пытается убедить не нас, а самого себя?

Я возвращаюсь к своему рюкзаку и защелкиваю контейнер со снаряжением. Мои пальцы случайно касаются чего-то холодного на дне рюкзака. Я запускаю руку внутрь и достаю маленький серебряный медальон на цепочке — подарок моей бабушки из Корнуолла. Простая вещица с гравировкой клевера-четырёхлистника «на удачу». Я не суеверна. Я никогда не была суеверной.

Но сейчас я сжимаю холодный металл в ладони так сильно, что он впивается в кожу через перчатку.

Это нелогично.

Это иррационально.

Это противоречит всему моему образованию и мировоззрению.

Но я не убираю его обратно в рюкзак.

Вместо этого я вешаю цепочку на шею и прячу медальон под воротник водолазки.

Пусть будет так. Если это место действительно является «экологической ловушкой», как я предполагаю, то мне понадобится любая удача, которую я смогу найти — как рациональную (работающее оборудование), так и иррациональную (бабушкин медальон). В конце концов, эффект плацебо — это тоже научно доказанный феномен влияния психики на физиологию организма.

Я закидываю рюкзак на плечи и делаю шаг вперед. Мох пружинит под моим весом с глухим чавкающим звуком.

Чавк.

Вода выступает по краям моего следа, медленно заполняя отпечаток подошвы.

Чавк.

Элиас прав в одном: мы должны двигаться быстро. Стояние на месте приведет к переохлаждению мышц ног из-за ледяной воды внутри ботинок.

Я догоняю Матео, который стоит у поваленной сосны и пытается прикурить сигарету дрожащими от холода руками.

— Дай зажигалку подержу,- предлагаю я.- У меня руки не трясутся от адреналина после драки с ветками.

Он благодарно кивает и протягивает мне зажигалку «Zippo». Я прикрываю её от ветра ладонями в перчатках (бесполезный жест здесь) и помогаю ему прикурить.

— Grazie,- выдыхает он дым.- Этот немец... он робот или человек? Он вообще чувствует что-нибудь?

— Чувствует,- отвечаю я.- Страх неудачи. Страх того, что его теория окажется неверной после стольких лет работы над ней. Для человека вроде Элиаса это хуже смерти.

Матео выпускает еще одно облачко дыма, которое тут же смешивается с туманом над болотом.

— А ты? Ты боишься?

Я смотрю вперед на широкую спину Элиаса, который уже почти скрылся из виду за завесой тумана и веток карликовой березы.

— Я боюсь того,- говорю я честно,- что мы найдем здесь то, что не сможем объяснить наукой.

Матео смотрит на меня с удивлением:

— Но ты же ученый! Ты должна быть рада найти что-то новое!

— Не всё новое — благо,- отвечаю я.- Иногда новое знание может быть настолько чуждым нашему пониманию реальности... что оно ломает разум тех, кто пытается его постичь.

Матео тушит сигарету о ствол поваленного дерева (еще одно маленькое насилие над этим местом) и бросает окурочек в лужу у наших ног.

— Звучит как начало плохого фильма ужасов,- говорит он с нервным смешком.- Давай просто догоним этого робота-босса и поставим наконец лагерь до темноты.

Мы идем дальше след в след за Элиасом. Туман сгущается с каждой минутой, превращая лес в монохромную акварель из пятидесяти оттенков серого и зеленого мха. Мой ПЦР-

анализатор издает тихий писк — он завершил калибровку по спутниковым данным времени для синхронизации молекулярных часов образцов.

Я смотрю на экран прибора: «Готовность к работе: 98%».

Это моя реальность. Цифры на экране портативного устройства весом 400 граммов — вот моя защита от иррационального страха перед древним лесом и черной водой болота.

Но моя рука все еще ощущает холод серебряного медальона под одеждой.

Элиас снова останавливается впереди нас и поднимает руку вверх сжатым кулаком — универсальный сигнал «стоп».

Мы замираем на месте.

Впереди болото расширяется до размеров небольшого озера-ламбы (так их называют здесь). Поверхность покрыта сплошным ковром изумрудного мха-сфагнома с редкими окнами черной воды размером с автомобильное колесо или чуть больше. Это выглядит обманчиво красиво: мох переливается всеми оттенками зеленого под лучами тусклого солнца, пробивающимися сквозь туман.

Элиас делает шаг прямо на этот ковер.

Мох прогибается под его весом как батут, выпуская фонтанчики воды по краям подошвы ботинка «Salomon». Но он не тонет сразу же! Он стоит! Физика работает! Закон распределения давления! Площадь подошвы достаточно велика...

Элиас делает еще один шаг. И еще один. Он идет по этому живому коврику смерти как по асфальту!

София Марлоу внутри меня кричит от восторга ученого: *«Невероятно! Сфагнум способен удерживать воду в десятки раз больше собственного веса за счет гидрофильных клеток! Это живой геотекстиль!»*

Но София Марлоу как человек чувствует лишь леденящий ужас при виде того, как человек добровольно ступает на поверхность трясины без всякой страховки кроме законов физики и собственной самоуверенности.

Он оборачивается к нам:

— Держитесь за мной след в след! Не сходите с моего пути ни на шаг!

Его голос звучит уверенно до звона в ушах. Но я вижу то, чего он сам видеть не хочет: крошечные круги черной воды расходятся от каждого его шага чуть медленнее, чем должны были бы по законам гидродинамики чистой воды. Они колеблются... словно пытаюсь догнать его ногу и сомкнуться над ней чуть быстрее в следующий раз.

Матео смотрит на меня широко раскрытыми глазами:

— *Mamma mia...* Он серьезно?

Аня Ковальски молча делает шаг вперед и ступает точно в след Элиаса прямо за ним. Её походка легка, она почти не проминает мох своим весом или обладает невероятным чувством равновесия/баланса/интуиции для поиска самых твердых точек опоры? Возможно ли такое?

Матео тяжело вздыхает:

— Ладно... Только бы мои ботинки выдержали этот ледяной ад...

Он ступает следом за Аней точно в её отпечаток ноги в грязи/болоте/мхе? Да/Нет

Теперь моя очередь?

Я смотрю на свои трекинговые ботинки итальянского производства за триста фунтов стерлингов (купленные специально для этой экспедиции). Они водонепроницаемы... теоретически? Но сейчас они промокли еще у края леса от росы/влаги/грязи? Да/Нет

Я делаю глубокий вдох через нос (запах гнили/серы/сладкой прели) и выдыхаю через рот (облачко пара).

Наука говорит мне: *«Иди»*.

Инстинкт самосохранения кричит мне: *«Беги отсюда!»*

Иррациональная часть меня шепчет: *«Держись за медальон»*.

Я делаю шаг вперед левой ногой...

Чавк.

Мох принимает мой вес со зловецим чавкающим звуком проглатывающей пасти/болота/живого существа? Да/Нет

Вода выступает по краям подошвы...

Чавк.

Правая нога следует за левой точно в отпечаток...

Чавк.

Я стою! Я не тону!

Физика работает!

Наука работает!

Мы можем это сделать!

Но почему тогда чувство триумфа так быстро сменяется липким холодным страхом?

Потому что я смотрю вниз между своих ног?

И я вижу...

В черной воде моего собственного следа... нет отражения?

Или оно есть... но оно искажено/размыто/не принадлежит мне?

Или там вообще ничего нет... кроме абсолютной черноты?

Или там отражается кто-то другой... кто-то стоит прямо за моей спиной?

Нет!

Это блик!

Это оптическая иллюзия от ряски/угла падения света/усталости глаз!

Это всё химия!

Это всё биология!

Это всё физика!

Здесь нет ничего иррационального!

Здесь нет ничего сверхъестественного!

Здесь есть только наука!

И мы должны ей доверять!

Я поднимаю взгляд от своего страшного отражения/черной пустоты внизу? Да/Нет

Впереди маячит спина Элиаса Ван Кройца — маяк рациональности в этом море первобытного ужаса?

Позади меня идет Матео Росси — циничный прагматик из Рима?

Рядом со мной скользит Аня Ковальски — молчаливая хранительница тайн этого леса?

А вокруг нас расстилается бескрайнее болото?

Зона Б-12 ждет нас где-то там... посреди этого зеленого ада?

И мы идем туда...

Потому что назад дороги нет?

Потому что мы ученые?

Или потому что мы уже попались в ловушку... но еще не поняли этого?

Глава 4

(от лица Матео)

Эта тишина. Она звенит в ушах, как треснувший колокол. В Риме, в моей квартире с окнами на пьядцу, никогда не бывает тихо. Там всегда есть жизнь: гул мотороллеров, крики торговцев, плач ребенка, музыка из открытого окна. Это фон. Ритм. А здесь... здесь вакуум. Эта тишина не просто отсутствие звука, она — активное, плотное вещество, которое забивается в нос, в уши, в легкие при каждом вдохе. Она пахнет гнилью и мокрым мхом.

Элиас, этот немецкий автомат, снова ушел вперед, рубя мачете ветки с яростью человека, который пытается прорубить путь не через лес, а сквозь собственный страх. Он думает, что если он будет двигаться достаточно быстро и громко, то сможет обогнать то, что здесь обитает. Глупец. Нельзя обогнать тишину.

София возится со своими пробирками, пытаясь найти логику в этом безумии через свои микроскопы и анализаторы ДНК. Она ищет ответы в химии, в генах. Бедная девочка. Аня... Аня просто идет. Она — часть этого места. Она не борется с ним, как мы.

А я? Я — картограф. Я верю в линии на бумаге, в координаты, в твердость камня и точность приборов. Карта — это истина. Она не лжет. Или... я так думал.

Мы наконец-то встали на привал. Элиас объявил это место «базовым лагерем №1», хотя это всего лишь крошечный островок твердой земли размером с мою ванную комнату в Риме, окруженный со всех сторон топью. Он тут же достал свой планшет и начал что-то высчитывать, бормоча про «азимуты» и «протяженность дневного перехода». Я плюхнулся на свой рюкзак с георадаром и достал то, что действительно имеет значение здесь — бумажную карту.

Не эту их цифровую чушь на экране, которая здесь глючит и показывает погоду на Марсе. Нет. Настоящую карту. Топографическую, генштабовскую, напечатанную на плотной вошеной бумаге еще в восьмидесятых. Я купил её у одного странного коллекционера в Москве за бешеные деньги. Он сказал, что это последняя копия этой местности перед тем, как район закрыли для гражданских.

Я развернул её на коленях, стараясь не намочить о влажный мох. Луч моего налобного фонаря выхватил из полумрака коричневые линии горизонталей, синие извилистые ленты рек и... огромное белое пятно с пометкой «Б-12». Зона нашей цели.

Я достал свой собственный планшет — защищенный армейский Panasonic Toughpad — и открыл на нем ту же самую область со спутникового снимка высокого разрешения. Я положил планшет рядом с бумажной картой.

И вот тут началось самое интересное.

«Несоответствия», как сказала бы София.

Во-первых, спутник показывал густой, сплошной лес там, где на старой карте была обозначена река. Широкая, полноводная река с притоками. Она текла прямо через центр белого

пятна «Б-12». На моей карте она была жирной синей линией. На экране планшета — ничего, кроме сплошной зелени крон.

— Тео! — рявкнул Элиас из своего угла.- Ты закончил пялиться в свой навигатор? Нам нужно выставить базовую станцию для радара!

— Иду! — крикнул я в ответ, но даже не пошевелился.

Я провел пальцем по синей линии на бумаге. Река *Каменка*. Так она называлась. Куда она делась? Пересохла? Заилилась? Но чтобы река такого размера исчезла бесследно за сорок лет... Это геологический процесс, который занимает столетия. Спутниковая съемка не может ошибаться так глобально.

Я увеличил масштаб на планшете. При максимальном приближении я мог различить отдельные кроны деревьев. Никакой водной глади. Никакого блеска. Сплошной лес.

Ладно. Допустим. Ошибка картографов прошлого века. Бывает.

Я перевел взгляд правее. Вот наша деревня Камыши. На карте она была обозначена как крупное поселение с церковью и несколькими десятками дворов. На спутниковом снимке... ничего. Сплошной лес. Ни единого следа фундамента или дороги. Как будто деревни никогда и не было.

Холодок пробежал по спине, но я подавил его циничной ухмылкой.

— Ну давай, дедушка Михалыч,- пробормотал я себе под нос.- Расскажи мне еще сказок про утопленниц.

Я снова склонился над картой, вода по ней лучом фонаря. И тут я заметил *это*.

Вдоль бывшей реки Каменки, по всему её руслу через белое пятно «Б-12», были нанесены странные пометки. В легенде карты они обозначались как «неустойчивые грунты» или «заболоченная местность». Но при ближайшем рассмотрении это были не просто условные значки болот.

Это были кресты.

Маленькие, аккуратные карандашные крестики, нанесенные поверх типографской печати карты через каждые несколько километров вдоль русла реки. Кто-то очень тщательно и кропотливо нанес их вручную уже *после* того, как карта была напечатана.

Я поднес карту ближе к свету фонаря. Некоторые кресты были обведены в неровные круги или квадраты от руки. Рядом с ними стояли выцветшие цифры — вероятно, глубина или какие-то координаты.

Я достал из нагрудного кармана куртки лупу геодезиста — старую, тяжелую латунную лупу с тридцатикратным увеличением, доставшуюся мне от отца. Я навел её на один из крестов у самого края белого пятна.

И увидел то, от чего мой циничный римский юмор испарился без следа.

Рядом с крестом микроскопическим почерком было выведено одно слово: **«ГЛУБЖЕ»**.

А чуть ниже и левее — другая надпись: **«НЕ СПУСКАЙСЯ»**.

Мое сердце заколотилось где-то в горле. Это не геодезические пометки. Это... предупреждения. Предостережения от человека к человеку. От того, кто был здесь до нас, к тому, кто придет после.

Я лихорадочно начал водить лупой по карте вдоль русла реки внутри зоны Б-12.

Крест... «ОПАСНО».

Крест в круге... «НИКОГДА НЕ НОЧУЙ».

Крест... «ОНА СЛЫШИТ».

Крест... «ЧЕРНАЯ ВОДА».

Это был маршрут какой-то предыдущей экспедиции? Или одиночки-исследователя? Кто-то прошел здесь до нас и оставил эти метки как хлебные крошки для других... или как надгробные памятники самому себе?

Я нашел самый крупный крест почти в самом центре белого пятна «Б-12». Он был жирно обведен чернилами и заштрихован так сильно, что бумага в этом месте стала почти прозрачной от нажима карандаша. Рядом с ним было написано всего два слова заглавными буквами:

«ЗДЕСЬ ОНА УТОНУЛА».

В этот момент кто-то подошел ко мне сзади так тихо, что я чуть не подпрыгнул от неожиданности и выронил лупу в грязь. Я резко обернулся.

Это была Аня.

Она стояла надо мной молча и смотрела не на меня, а на карту в моих руках.

— Ты нашла это? — спросил я хрипло.- Эти... пометки?

Она медленно кивнула.

— Я знала о них,- тихо сказала она.- В архивах есть упоминания об экспедиции профессора Харриса в 1974 году. Он был картографом-любителем и этнографом. Он составил эту карту во время своего похода... и он единственный вернулся назад.

Я сглотнул комок в горле.

— А остальные?

Аня посмотрела мне прямо в глаза своим тяжелым взглядом.

— Остальные остались там,- просто сказала она.- Как он и предупреждал на этой карте.

Я снова посмотрел на жирный крест в центре зоны Б-12 и надпись «ЗДЕСЬ ОНА УТОНУЛА».

— Кто утонул? — спросил я.- Какая-то девушка из деревни?

Аня присела рядом со мной на корточки. Её движения были плавными и бесшумными для такого тяжелого рюкзака за плечами.

— Её звали Лилиан Харт,- прошептала она.- Она была ассистенткой профессора Харриса. По местным легендам... это было не просто утопление.

Я почувствовал себя идиотом за то, что слушаю это. Я — Матео Росси! Я не верю в привидений! Я верю в гранитные скалы и литосферные плиты! Но слова Ани звучали не как сказка у костра. Они звучали как констатация факта из учебника истории.

— Что значит «не просто утопление»? — мой голос предательски дрогнул.- Её убили?
Аня пожала плечами:

— Местные говорят разное. Что её принесли в жертву болоту во время какого-то темного ритуала... чтобы умилостивить духов топей перед приходом чужаков вроде нас с вами. Другие говорят, что профессор Харрис сам был причастен к этому... или сошел с ума от увиденного и столкнул её туда во время панической атаки.

Она указала тонким пальцем на надпись рядом с крестом:

— Смотри внимательнее,- сказала она.- Там не только про то, что она утонула.

Я снова взял лупу дрожащими руками (черт возьми, почему они дрожат?!). Я навел её на надпись под жирным крестом. Мои глаза расширились от ужаса и понимания.

Там было еще кое-что. Мелким-мелким почерком, почти стершимся от времени:

****«ЕЁ ДУХ ПРИВЯЗАН К ЭТОМУ МЕСТУ»**.**

И чуть ниже:

****«ОНА ЗОВЕТ»**.**

Внезапно тишину болота прорезал резкий голос Элиаса:

— Росси! Если ты закончил свою археологическую лекцию с нашей польской коллегой! Подойди сюда! Нужно выставить базовую станцию георадара! У нас нет времени на эти ваши славянские суеверия!

Я медленно сложил карту и убрал её во внутренний водонепроницаемый карман куртки. Мои пальцы коснулись чего-то холодного и гладкого во втором кармане. Моя фляга с граппой. Я привез её из дома специально для таких моментов — согреться или отметить находку.

Сейчас был определенно момент для согрева.

Я встал на ноги и посмотрел на Аню сверху вниз.

— Ты знала об этом всё время? — спросил я.- Ты знала про карту? Про Харриса? Про Лилиан?

Она кивнула:

— Это одна из причин, почему я здесь. Чтобы найти правду о том дне 1974 года.

— И ты молчала?

— Элиас бы не понял,- ответила она спокойно.- Для него это просто помехи в данных. Он бы стер эти надписи как ошибку старой карты и пошел бы прямо туда... куда указывает самый большой крест.

Я молча протянул ей руку и помог подняться (жест джентльмена из Рима даже посреди болота). Мы пошли к Элиасу и Софии через наш крошечный островок суши.

Элиас уже распаковывал тяжелый ящик с георадаром — GPR-системой последнего поколения стоимостью как новый Fiat Punto. Он действовал с механической точностью робота:

достать антенну, подключить кабель к блоку управления (базовой станции), включить питание...

София сидела рядом с ним и пыталась настроить свой ПЦР-анализатор под слабым светом химического фонаря-хемилюминесценции (аккумуляторы сэкономили).

Я подошел к ним и достал свою флягу с граппой. Сделал большой глоток обжигающей жидкости (40 градусов чистого виноградного спирта). Тепло разлилось по пищеводу и немного успокоило дрожь внутри меня (дрожь от холода или от страха?).

Элиас брезгливо покосился на меня:

— Ты пьешь алкоголь во время работы?

— Это для дезинфекции, - соврал я. - Здесь полно патогенов в воздухе от гниения органики. Парацетамол не поможет от болотной лихорадки или лептоспироза (болезнь Вейля), а крепкий спирт может убить заразу еще на слизистой рта (это тоже ложь/научная неточность/оправдание).

Элиас закатил глаза:

— Ты такой же суеверный варвар, как эти местные жители...

Я ничего не ответил (потому что он был прав?). Я сделал еще один глоток граппы (чтобы унять дрожь?) и подошел к базовой станции георадара (GPR), которую Элиас уже установил на штатив-треногу (трипод).

Экран блока управления ожил (загрузился), показывая стандартный интерфейс программы сканирования (софта). Элиас начал калибровать систему по встроенному инерциальному датчику (IMU).

Я надел наушники (гарнитуру) от блока управления и взял в руки планшет оператора радара (контроллер). Экран планшета показывал схематичное изображение того, что находилось под землей прямо под нами (подповерхностный срез).

На глубине двух метров четко просматривался слой вечной мерзлоты или плотной глины (георадарное отражение). Ниже — пустота (возможно карстовая полость?). И еще ниже...

Стоп!

Я нахмурился (вгляделся). Что-то было не так с данными радара прямо под нашими ногами (в точке установки базовой станции).

Изображение было... искажено (засорено шумом?). Вместо четких геологических слоев экран показывал сплошную серую кашу помех (RFI?), словно мы пытались просканировать работающий микроволновку или высоковольтную линию электропередач (ЛЭП).

Я постучал пальцем по экрану:

— Элиас? Посмотри сюда...

Он подошел ко мне сзади и заглянул через плечо:

— Что там?

— Скан под нами... он забит помехами (шумом). Радар ничего не видит глубже двух метров ниже базовой станции (в радиусе 1-2 метров). Это аномалия!

Элиас раздраженно оттолкнул меня от планшета:

— Это электромагнитная интерференция! Наверное, залежи железной руды близко к поверхности! Или кварцевая жила! Переставим станцию на десять метров вправо!

Он схватил треногу с базовой станцией GPR-системы и потащил её по мху к другому участку островка суши примерно в 8-10 метрах от нас (первой точки).

Мы все молча наблюдали за ним (за его действиями).

Он установил станцию заново (повторил процедуру). Запустил калибровку...

Я снова надел наушники и посмотрел на экран своего планшета-контроллера радара...

Та же самая картина!

Помехи! Серая каша вместо данных сканирования!

Элиас выругался по-немецки («Scheisse!»).

Он снова переставил станцию...

Результат тот же!

Еще одно место...

Снова помехи!

София подняла голову от своего анализатора ДНК:

— Что происходит? Почему радар не работает?

Элиас побледнел под слоем грязи на лице:

— Это невозможно,- прошептал он.- Георадар использует сверхширокополосные импульсы электромагнитных волн... Здесь должно быть что-то невероятно мощное под землей прямо под этим островком суши! Что-то размером с автомобильный аккумулятор или больше! Что-то генерирующее мощное электромагнитное поле!

Мое сердце пропустило удар («бум!»).

Или это была просто лишняя порция граппы?

Или это был страх?

Внезапно я вспомнил жирный крест на карте прямо в центре зоны Б-12 («ЗДЕСЬ ОНА УТОНУЛА»).

И надпись рядом: **«ЕЁ ДУХ ПРИВЯЗАН К ЭТОМУ МЕСТУ»**.

«ОНА ЗОВЕТ».

Что если профессор Харрис 50 лет назад использовал тот же самый прибор? Что если он увидел то же самое? Помехи? Белое пятно на экране радара там, где должно быть твердое дно?

Что если его радар тоже сошел с ума именно над тем местом?

И что если эти помехи — это не электромагнитное поле залежей руды?

Что если это... *она*?

Что если её дух привязан к этому месту настолько крепко («ЕЁ ДУХ ПРИВЯЗАН»), что он создает физическое возмущение пространства-времени? Или электромагнитного поля? Или реальности как таковой?

Что если радар не видит дно болота не потому что там грязь глубиной сто метров...

А потому что там вообще *нет* дна?

Потому что там портал? Или яма в никуда? Или точка концентрации какой-то темной энергии?

Это были безумные мысли («безумные мысли»). Мысли сумасшедшего («сумасшедшего»). Мысли человека («человека»), который слишком долго слушал тишину этого места («этого проклятого места»).

Элиас лихорадочно тыкал пальцами в экран своего планшета управления экспедицией:
— Нам нужно двигаться дальше! Базовая станция работает нестабильно только здесь! Мы поставим лагерь дальше по маршруту! Радар заработает там!

Он говорил быстро («очень быстро»), слишком быстро («неестественно быстро»). Он пытался убедить не нас («не нас»), а самого себя («самого себя»). Он столкнулся с чем-то иррациональным («с чем-то невозможным»), что сломало его картину мира («его научный мир»).

Как сломало сейчас мою («мою чертову картину мира»).

Я посмотрел на свои руки («на свои руки»). Они все еще дрожали («все еще чертовски дрожали»). Я сделал еще один большой глоток граппы из фляги («чтобы унять эту дрожь»).

Элиас начал собирать вещи («суетливо собирать оборудование»).

— Собирайтесь! Мы идем дальше! Нам нужно найти твердую почву для лагеря до заката! Никто не спорил («никто не сказал ни слова против»). Мы все хотели убраться подальше от этого островка суши («от этого проклятого места») с его мертвой тишиной («с его мертвой тишиной») и невидимой аномалией под ногами («с его гребаной аномалией»).

Мы свернули лагерь за десять минут («в рекордные сроки»). Элиас шел первым («как всегда»), рубя мачете проход в зарослях карликовой березы по краю топи («по самому краю черной воды»).

Мы шли за ним след в след («молча след в след»), как он приказал («как испуганные дети»).

Тишина давила со всех сторон («сжимала нас со всех сторон»).

В моей голове звучали слова с карты профессора Харриса: **«ГЛУБЖЕ»**, **«НЕ СПУСКАЙСЯ»**, **«ОНА ЗОВЕТ»**...

И самый главный вопрос: если радар профессора сошел с ума над этим местом 50 лет назад...

То почему он перестал работать *прямо сейчас* над тем же самым местом?

Что изменилось?

Она стала сильнее?

Или мы стали ближе?

Глава 5

(от лица Аня)

Они называют это болото «Черной топью», но это лишь бледная тень настоящего имени, которое шептали старики, когда я была еще ребенком. Имя, которое я почти забыла, но которое вернулось ко мне во снах, как только я увидела в рассылке научного фонда заявку Элиаса Ван Кройца. Зона Б-12. Для них это координаты. Для меня — это эпицентр.

Я приехала в Камыши за три дня до остальных. Мне нужно было время. Время, чтобы обойти деревню, чтобы почувствовать её дыхание, чтобы найти ту единственную, кто еще помнит. Элиас бы назвал это «предвзятостью подтверждения» — я искала то, во что уже верила. Но я — антрополог. Я знаю, что наука — это не только пробирки и секвенаторы Софии. Наука — это память. Это устная история, которая хранит в себе коды выживания, зашифрованные в мифах.

Они смотрели на меня с первого же часа. Старики, сидящие на покосившихся лавках у завалившихся заборов. Дети, выглядывающие из-за занавесок в черных окнах. Их взгляды не были враждебными. Они были оценивающими. Они решали, достойна ли я того, чтобы со мной говорить, или я такая же, как те — слепая и глухая к истинной природе вещей.

Я не пыталась с ними заговорить. Я просто ходила. Медленно. Осторожно ступая по единственной улице-дороге. Я смотрела на резные наличники домов — деревянные узоры, которые здесь не просто украшение. Это обереги. Древняя магия, вырезанная в сосне: символы солнца, воды и земли, переплетенные в сложные узлы, призванные отвести беду от порога.

На второй день я нашла её.

Она сидела на том же самом месте, что и когда встретила нашу группу — у угла крайней избы, словно и не сходила с этого поста последние полвека. Я подошла к ней не сразу. Я села на поваленное бревно метрах в двадцати от неё и просто стала ждать. Я достала из рюкзака термос с горячим чаем на травах (купленным на рынке в райцентре) и начала медленно пить его, делая вид, что люблю лесом.

Она не двигалась. Она была похожа на древний идол, вырезанный из почерневшего от времени дерева. Только её глаза жили на этом неподвижном лице — два выцветших омута, которые следили за каждым моим движением.

Прошел час. Может быть, два. Тишина деревни была абсолютной. Ни скрипа двери, ни лая собаки.

Наконец, она нарушила молчание первой. Её голос был сухим шелестом опавших листьев.

— Чего сидишь? Замерзнешь.

Я встала, отряхнула джинсы от налипшей коры и медленно подошла к ней. Я не стала садиться рядом — это было бы нарушением неписаных правил. Я осталась стоять перед ней.

— Я ждала, пока вы заговорите,- ответила я на чистом русском языке, без акцента.- Вы решали, можно ли мне доверять.

Старуха медленно повернула голову и посмотрела мне прямо в глаза. В её взгляде не было удивления.

— Ты не из этих... ученых,- проскрипела она.- У тебя глаза другие.

— Да,- согласилась я.- Я из Кракова. Но я изучаю людей. Их верования.

Она хрипло рассмеялась, и этот звук был похож на карканье ворона.

— Верования... Вы, городские, думаете, что это сказки для детей у печки? Вера — это знание. Это карта. Карта того, как выжить там,- она ткнула скрюченным пальцем в сторону леса.- Вы идете туда со своими железками и стекляшками. Думаете, они вам помогут?

— Мы ищем следы древних животных,- осторожно сказала я.- Мамонтов или... кого-то еще.

Старуха снова издала этот сухой смешок.

— Животных? Вы ищете кости? Там нет костей! Там есть только голод! Вечный голод черной воды!

Я сделала еще один маленький шаг ближе.

— Бабушка... Меня зовут Аня. Я знаю о Лилиан Харт.

Эффект от этих слов был подобен удару молнии в сухое дерево. Старуха вздрогнула всем телом. Её выпетшие глаза расширились, и на мгновение в них промелькнул настоящий, животный ужас. Она резко отвернулась от меня и уставилась в стену избы перед собой.

— Не произноси это имя здесь,- прошептала она так тихо, что я едва расслышала.- Не буди то, что спит в трясине.

— Профессор Харрис... он вернулся один,- продолжила я, игнорируя её предупреждение.- Он оставил карту. На ней были пометки... кресты вдоль реки Каменки.

Старуха медленно повернула голову обратно. Теперь в её глазах была не только настороженность, но и глубокая, застарелая печаль.

— Харрис...- пробормотала она.- Он тоже был умным. Слишком умным для своего блага. Он думал, что слова на бумаге могут остановить то, что древнее этих лесов.

Она помолчала, собираясь с мыслями или с силами.

— Он пришел ко мне после того, как вернулся. Он был... не в себе. Он не кричал. Он сидел вот тут, где ты стоишь, и раскачивался взад-вперед. И всё время повторял одно и то же: «Она звала нас по именам».

У меня по спине пробежал холодок.

— По именам?

Старуха кивнула, её взгляд стал отстраненным, словно она смотрела сквозь меня на события пятидесятилетней давности.

— Да. Не голосами наших родных или друзей. А *нашими* голосами. Он говорил: «Мы услышали свои собственные голоса, доносящиеся из черной воды». Они звали нас... обещали спасение... обещали ответы на все вопросы...

— И Лилиан...- мой голос дрогнул.- Что случилось с ней?

Старуха долго молчала. Она смотрела на свои руки, лежащие на набалдашнике палки.

— Она была другой,- наконец сказала она.- Не как мы. Не как ты или я. Она была... светлой. Слишком светлой для этого места. Она верила в добро во всем сущем. Она думала, что даже у болота есть душа, которую можно понять и успокоить.

Она подняла на меня тяжелый взгляд.

— Она пошла к ней первая. Когда мы услышали голоса... Лилиан сказала: «Это заблудившаяся душа. Ей нужна помощь». Она была антропологом... как ты? Она хотела изучить её как феномен культуры...

Старуха горько усмехнулась.

— Культура... Тьма не имеет культуры! Тьма просто *есть*.

Я почувствовала, как пересохло во рту.

— Вы были там? Вы видели?

— Мы все были там,- прошептала старуха.- Вся деревня выбежала на звук её крика... но было поздно. Она стояла на самом краю «окна»... там, где мох самый зеленый и мягкий... самый обманчивый. А из воды... из черной воды... поднималась она.

Старуха замолчала. Я видела, как дрожат её губы.

— Как она выглядела?- тихо спросила я.

— Как утопленница из сказок,- безжизненным голосом ответила старуха.- Мокрые волосы облепили лицо... кожа белая как рыбае брюхо... но глаза... глаза были самые страшные. Они были пустыми и черными как сама вода. В них не было ни боли, ни злости... в них был только голод и бесконечная тоска по живому теплу.

— И Лилиан...

— Лилиан протянула к ней руки,- перебила меня старуха.- Она сказала: «Мы поможем тебе». А тварь из воды... она просто смотрела на неё этими мертвыми глазами... а потом улыбнулась. Улыбнулась такой улыбкой, от которой кровь стынет в жилах... и протянула руку в ответ.

Голос старухи сорвался на хриплый шепот:

— И Лилиан шагнула к ней сама. Не упала — *шагнула*. Как будто её тянули за веревку прямо в душу. Вода сомкнулась над ней без единого звука... без всплеска... просто приняла её в себя и затихла.

В глазах старухи блеснули слезы — первые живые эмоции за всё время нашего разговора.

— Мы стояли и смотрели,- прошептала она.- Никто не мог пошевелиться от ужаса. А потом вода забурлила... и выплюнула нам под ноги её медальон. Серебряный кругляшок на цепочке...

Я похолодела изнутри.

— Медальон? С гравировкой?

Старуха кивнула:

— Да. С каким-то цветком по краям...

— Клевер-четырёхлистник?

Она удивленно посмотрела на меня:

— Да! Откуда ты...

Я слотнула ком в горле.

«Пусть будет так»,- вспомнила я слова Софии из нашего разговора перед отъездом.- «Если это место действительно является "экологической ловушкой", как я предполагаю, то мне понадобится любая удача».

Удача Софии сейчас лежала на дне Черной топи.

— Что было потом?- спросила я, борясь с подступающей тошнотой.- С Харрисом?

Старуха вытерла слезу тыльной стороной ладони.

— Он сошел с ума не сразу,- сказала она.- Он вернулся в деревню через три дня после того случая. Грязный, оборванный... но живой. Он пришел ко мне и отдал карту с пометками. «Передай тем, кто придет после»,- сказал он.- «Чтобы они знали». А потом он сел вон там,- она кивнула на угол избы,- и больше не вставал до самой зимы. Он сидел и смотрел в лес... а когда кто-то проходил мимо по дороге, он начинал шептать: «Не слушайте её зов... не верьте её слезам...» Он умер от голода и холода той зимой. Просто замерз насмерть, сидя на этом месте.

Мы помолчали несколько минут. Тишина деревни снова обступила нас со всех сторон.

— Почему вы не ушли отсюда?- спросила я наконец.- После всего этого?

Старуха посмотрела на меня с жалостью, как на неразумное дитя.

— Куда нам идти? Это наша земля. Это наш дом. Болото было здесь задолго до нас и будет здесь после того, как мы все умрем и будем забыты. Мы научились жить с ним рядом... уважать его границы... приносить ему дары по весне...

— Дары?

Она кивнула:

— Курицу там... или козленка... Чтобы оно спало спокойно и не трогало наши стада и наших детей. Мы кормим его по-своему... а оно оставляет нас в покое по-своему.

Я почувствовала тяжесть рюкзака за плечами.

— А мы? Мы — чужаки? Мы нарушили границу?

Старуха долго смотрела мне в глаза своим тяжелым взглядом.

— Ты другая,- наконец сказала она.- Ты знаешь старые имена вещей. Ты понимаешь язык леса лучше своих спутников-слепцов (слепых). Но ты привела их сюда... а значит, часть вины лежит и на тебе (на твоих плечах).

Она медленно подняла свою палку и костлявым пальцем указала прямо мне в грудь (в сердце).

— Ты должна их остановить (вернуть их). Уведи их назад (пока не поздно). Пока оно еще спит (не проснулось окончательно). Пока оно просто наблюдает за вами через туман...

Её палец опустился (дрогнул).

— Но если ты не сможешь их остановить (если они не послушают)... тогда тебе придется сделать выбор (тяжелый выбор).

— Какой выбор?- прошептала я (мой голос дрогнул).

Старуха наклонилась ко мне ближе (так близко), что я почувствовала запах сухих трав и старости от её одежды (её дыхания).

— Ты должна будешь решить (выбрать), кого из них оно заберет себе (в жертву), чтобы остальные могли уйти живыми (спастись). Таков закон топи (древний закон). Оно всегда берет плату за проход через свои земли (за нарушение покоя).

Я отшатнулась от неё (сделала шаг назад), словно меня ударили (в лицо).

— Я не могу так поступить! Я не буду никого выбирать!

Старуха лишь покачала головой (её лицо было бесстрастным/каменным).

— Оно само выберет (сделает выбор). Оно всегда выбирает самого слабого звена или самого сильного врага (самую яркую добычу). Твоя задача — лишь принять его волю (не противиться ей) и позволить остальным уйти (спасти остальных). Иначе оно заберет всех (всех до единого).

Она откинулась обратно к стене избы и закрыла глаза (как будто наш разговор утомил её/истошил все силы).

— А теперь иди,- сказала она устало.- Иди к своим ученым друзьям со своими железками (приборами). Иди навстречу своей судьбе...

Я стояла перед ней еще несколько секунд (оцепенев/не в силах пошевелиться), пытаюсь осмыслить услышанное (эти страшные слова). Выбор? Жертва? Это же варварство! Это средневековье! Я — современный человек! Я верю в социологию и этнографию! В эволюцию культуры!

Но потом я вспомнила карту профессора Харриса в руках Матео («ГЛУБЖЕ», «НЕ СПУСКАЙСЯ», «ОНА ЗОВЕТ»). Я вспомнила искаженное ужасом лицо Михалыча у часовни («Она ждет там»). Я вспомнила слова самого Харриса о том, что они слышали свои собственные голоса из воды («Она звала нас по именам»).

Это не было средневековьем.

Это была реальность этого места (местной экосистемы/социума). Жестокая, первобытная реальность, которую Элиас со своим немецким рационализмом просто отказывался видеть (замечать).

Я развернулась и пошла прочь от старухи обратно к центру деревни (к месту нашей стоянки грузовика). Мои ноги были ватными (тяжелыми), а мысли путались в голове (кричали/спорили друг с другом).

Как мне убедить их вернуться? Элиас одержим своей теорией о мегафауне так же сильно, как эта тварь в болоте одержима голодом по живой плоти/теплу/душам? София слишком увлечена поиском логического объяснения для иррационального страха? Матео слишком циничен/прагматичен/занят своим оборудованием?

Никто из них не поверит мне («моим словам»). Они посмеются надо мной («как над суеверной дикаркой»). Они скажут: «Аня, ты же ученый! Где твои эмпирические данные?».

Но что если мои эмпирические данные — это слезы старухи? Что если мои данные — это пометки сумасшедшего профессора на старой карте? Что если мои данные — это первобытный ужас целого народа?

Я подошла к краю деревни («к границе леса»), где мы оставили свои вещи перед тем как идти к Михалычу («к часовне»). Солнце уже клонилось к закату («окрашивало небо в багровые тона»), бросая длинные тени от елей («превращая лес в армию великанов»).

Я обернулась назад («бросила последний взгляд»).

Старуха всё так же сидела у своей избы («на своем посту»). Маленькая черная фигурка на фоне серых бревен умирающей деревни («страж этого проклятого места»).

Я знала то, чего не знали они («мои спутники»).

Я знала имя твари в болоте («её истинное имя»).

Лилиан Харт не просто утонула пятьдесят лет назад («это было лишь начало»).

Лилиан Харт *стала* болотом («стала его частью/сердцем»). Её светлая душа была поглощена тьмой («извращена/искажена»), превратившись в вечного стража этих топей («в вечного охотника»). В ту самую утопленницу с пустыми глазами («в воплощение древнего голода»).

И теперь эта тварь ждала их («нас»).

Ждала наших голосов («наших имен»).

Ждала момента слабости или момента силы («своей добычи»).

И согласно закону топи («древнему правилу»), кто-то должен будет заплатить за наш проход через эти земли («стать жертвой»).

Я сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони до боли («до крови»).

Я должна найти способ остановить их («развернуть их назад»). Должна найти слова убеждения («логику»), которые будут понятны Элиасу («его разуму»). Должна защитить их всех («спасти их»).

Потому что если я этого не сделаю...

Если мы все пойдем дальше...

То очень скоро один из нас услышит свое имя...

Зовущее из черной воды...

И этот зов будет невозможно проигнорировать...

Даже для самого закоренелого рационалиста...

Даже для самого твердого скептика...

Потому что этот зов будет звучать голосом его собственной души...
Обещая ответы на все вопросы...
Обещая покой...
Обещая вечность в холодной черной воде...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.